

КОГДА СОДРОГАЕТСЯ ВСЕЛЕННАЯ

...На этой планете нет растительности. Нет пищи. Здесь ОНИ выращивают разум для всей Вселенной. Стоят возле величественных серых валунов, наполненных знаниями, и думают. Обо всем. ИМ это под силу — ОНИ знают все эволюции в разных уголках Вселенной. На черном полотне неба ИХ мысли превращаются в разноцветные линии и, сплетаясь в живые узоры, быстро уносятся вдаль, словно боясь, что их перечеркнут. Живые иероглифы бегут в миры, где реальность расчерчена на квадраты. Большие, малые квадраты, в которых материализуются картины вечности...

У этой планеты нет солнца — она свободно движется в бескрайних просторах Космоса. ОНИ вглядываются глазами цвета стали в черноту неба и ждут. Будущее, прошлое, настоящее... Никакой последовательности. Никакой предопределенности. Взрыв разума... ОНИ бесстрашны. Вечность учит бесстрашию. Но не бесчувствию — ИХ поток восприятия почти беспредельно.

Где-то вспыхивают сверхновые... Где-то, на маленькой планете, озабоченно суетятся люди... Где-то рождается ребенок... Первенец...

И каждый раз Вселенная содрогается. ОНИ радуются, когда Вселенная содрогается — значит, не все еще потеряно.

— Тужьтесь сильнее. Еще немножко... Самую малость. Вот уже голова показалась... Какая большая. Наверное, мальчик. Все! Он у меня! Нет, это девочка!

Врач с белой повязкой на лице держит в руках малышку, внимательно разглядывая ее. Роженица улыбается — она давно знала, что у нее будет именно дочь. И знала, как ее будут звать — Ева.

— Какие огромные глазки! И личико не морщинистое, красное, а чистое, белое... Странно, — недоумевает врач.

— Наверное, потому что я во время беременности пила много молока и соков, — смеется молодая мама.

— Может быть, — бормочет медик, укладывая малышку рядом с матерью.

...Двадцать лет по ИХ времени ОНИ трудились, чтобы создать эту форму. Нашли мужчину и женщину, способных к воспроизведению именно этого существа, модифицировали их гены, снабдив необходимыми качествами, и теперь оставалось самое малое — наполнить форму содержанием. Взяв с каждого валуна по небольшому сегменту знаний, ОНИ перемешали все это и расплыли над будущими родителями, когда те сидели на лавочке в парке, держась за руки и обсуждая, каким будет их ребенок.

— Извини, что лезу со своими дурацкими вопросами... Я знаю, ты недавно родила дочь, но... жива ли она? — спрашивает соседка Рая, стараясь не глядеть Наташе в глаза.

— Конечно, жива, — отвечает молодая женщина.

— Слава тебе, Господи! А то я не знала, что и думать. Ведь наши квартиры рядом, а я еще ни разу не слышала плача малышки.

— Она никогда и не плачет. Сама удивляюсь, — смеется Наташа.

Девочка и в самом деле не плакала. Тихо лежала в своей кроватке и спала. А когда бодрствовала, задумчиво смотрела своими глазками на родителей, словно знала, о чем они думают. И все-таки однажды она напугала их, исчезнув из кроватки на шестьдесят минут. Куда? Родители не знали. Перевернув вверх дном всю квартиру, Наталья и Анатолий в отчаянии смотрели друг на друга. И вдруг услышали тихое сопение дочурки. Она лежала под кроваткой и мирно спала. Объяснить этот случай они не могли, им бы-

ло невдомек, как мог ребенок трех месяцев от роду, плотно запеленутый, выпасть из кроватки с высокими боковинами. Вскоре им стало не до объяснений — Ева заболела воспалением легких.

С момента рождения ОНИ наблюдали за девочкой. Она развивалась нормально, была спокойной и хорошо ела. Первое время ИМ казалось, что она сможет адаптироваться к земным условиям. Но вскоре показатели душевного спокойствия ее матери стали тревожными — женщина узнала, что Анатолия заберут на полтора года в армию. Три месяца оставалось до его отъезда, а вирус депрессии прочно овладел Натальей. Это не могло не сказаться на Еве. Она перестала есть и спать. Если бы ей было пять лет, ОНИ не беспокоились за развитие малышки, но сейчас ей не под силу "переварить" опасный вирус. К нему у нее пока нет иммунитета. Пришлось решаться на крайние меры — привить девочке необходимую для выживания вакцину. Они сомневались, выдержит ли ее разум подобную процедуру, ведь вакцина слишком опасна. Ее компоненты — самые негативные мысли и эмоции человечества. Весь этот негатив веками накапливался в поколениях и передавался по наследству. Однако гены Таисии намеренно очистили от этого "мусора", иначе не получился бы эксперимент по внедрению в человеческое тело разумной субстанции неземного происхождения.

...По земным меркам ровно шестьдесят минут необходимо для вакцинации. Первые минуты после введения препарата были для малышки самыми болезненными. Она не кричала, и тем не менее, ОНИ чувствовали ее боль, ведь у девочки был такой же разум, как у НИХ — способный ощущать даже самую малую боль. Теперь оставалось ждать, сможет ли малышка перенести такую нагрузку.

— Пневмония — болезнь опасная. Ее необходимо лечить в стационаре, иначе могут быть осложнения, — сказал врач, и под вой сирены "скорой" девочку увезли в больницу.

— Маленькая, а такая мужественная. Даже не плачет, когда ей делают внутривенные инъекции, — удивлялась пожилая медсестра, а девочка тем временем лежала в палате интенсивной терапии, спокойно разглядывая врача и перепуганных родителей, и в ее глазах искрилась любовь.

Печалится небо. Потоки воды обрушиваются на город, размывая его границы. Пропитанный грязью мир вызывает у трехлетней Евы сонливую слабость. Тук-тук в окна, как-кап с крыши... Девочка сидит на подоконнике, скрестив ноги, и глядит задумчиво "в никуда". На душе покой и тишина. Приятная отрешенность заполняет все существо. Дети зовут ее на улицу. Они смеются, бегают по лужам, строят рожицы, прыгая, словно маленькие козлята на лугу. Но Ева безмятежна. Далека от забав и шалостей. Она играет в Покой. Покой теплый, умиротворяющий. Вот она превратилась в дождь, наполнив собой улицы города, каждой своей клеточкой проникла в воздух, а затем стала частичкой большого механизма, вращающего жизнь. Она почувствовала движение воды, льющейся из водосточной трубы, втиснулась вместе с каплями дождя в резиновый сапог прохожего, завертелась с током его крови по телу, ощущая шокотку, утяжеленная громким звуком "апчки!" и через нос выкапталась на руку маленькому мальчику. Мимолетное соперикусное... Внезапно все меняется. Она видит, как мальчик падает и разбивает колено, она слышит его

крик, и боль наполняет ее душу. На безмятежном личике девочки появляется страдание, и... глаза вбирают в себя детали реального мира: крашеный подоконник; стекла, забрызганные грязью; люди, спасающиеся под зонтами от дождя, усталые, пропитанные сыростью; и она — такая маленькая и одинокая, в городе суеты и напряжения. Только что была Миром, а через минуту стала его легкой песчинкой. Отрешенность отступает, и душу заполняет тоска. Тоска непонимания, боль потери. Словно кто-то вырвал ее из уютного, теплого счастья и бросил на острые камешки...

...Ева стоит на морском берегу. Под ногами песок, а в глазах море. — Мамочка! Какой красивый мир! — восторженно кричит она. — Это всего лишь его маленький кусочек... — улыбается Наталья.

— Я всегда любила море, — нараспев говорит девочка.

— Но ты познакомилась с ним только сегодня!

— Но я всегда знала его, — удивленно бормочет Ева.

Ее пытливые глазки вбирают в себя все образы морского пейзажа, сортируют, заполняя ими кладовые памяти. На всякий случай. Пригодится! Память... Внезапно она вспоминает пустынный берег, не такой крутой, как сейчас, а плавно уходящий в море. Она стоит по колено в воде, а впереди — мраморные ступени и высокие колонны с круглым куполом...

— А где беседка? — невольно вырывается у нее.

— Какая? — интересуется мама, оглядываясь по сторонам.

— Да так... — отмахивается девочка.

Ей не хочется говорить — видение стало ее тайной. И его — в кладовые. Воздух чистый, свежий... Захотелось спать... все вокруг завертелось, заплескалось цветными шариками.

— Я вижу пузырьки воздуха, — ахает Ева.

— Это фантазии, — улыбается мама.

— Но я вижу...

— Человек не может видеть воздух, — терпеливо возражает Наталья.

Девочка на минуту задумывается, наблюдая за движением ярких пузырьков. Они сталкиваются друг с другом, взрываются радужными брызгами и снова появляются.

— А небо человек может видеть? — интересуется она у мамы.

— Небо — может, — усмеивается та.

— Но пузырьки воздуха я вижу, как небо. Значит, небо — тоже фантазия? А ты — мама или фантазия? Ведь и тебя я вижу, как пузырьки...

...ОНИ знали, что ей будет тяжело уместить в себе две разные составляющие — земные понятия и неземной разум. ОНИ боялись, что однажды она может не выдержать этого раздвоения и по земным понятиям станет... сумасшедшей. Такая вероятность грозила не ей одной, так как на планете Земля люди старались придерживаться только одной реальности, называя ее единственной, и всех, кто пытался доказывать обратное, помещали в дома для умалишенных или изгоняли из общества. Чтобы этого не произошло, ОНИ решили, пока Ева маленькая, контролировать все ее мысли и чувства.

Ее чувства были противоречивыми. Она до боли любила людей и всегда прощала им обиды. Ей было понятно: с таким тяжелым грузом негативных мыслей и эмоций им нелегко жить. Ее душа по-матерински мучилась, видя страдания человеческих существ. Какие они были в детстве? Открытые, любознательные, наполненные идеями, планами, любовью. А в старости... обесилленные, часто опустошенные, циничные и ненавидящие мир. Кто за это в ответе?

...Ева перестала ИХ чувствовать с того самого момента, как осознала, что не может помочь человечеству. Помочь так, как задумали ОНИ. Ее разум давно определил, что нужно людям: любовь, понимание, сопереживание, забота, нежность. А ОНИ думали, что Ева станет самым большим на Земле зеркалом, поверхность которого отразит скрытые пороки любого человека. Они были уверены: человечество может измениться к лучшему только в одном случае — столкнувшись лицом к лицу со своим душевным уродством.

Ева не согласилась с этим. Она знала: чаще всего люди не верят своим глазам, встречаясь с теми, кто напоминает им собственное несовершенство. Она видела в сердцах многих из них ненависть и желание во что бы то ни стало уничтожить "зеркало". И понимала: большинству человеческих существ проще воевать с внешним врагом, чем со своим внутренним, проще ненавидеть кого-то, чем научиться любить по-настоящему самих себя, проще обвинять во всех бедах, которые когда-либо случаются, не себя, а семья убийцы... Каиново семя, которое, по их мнению, вот уже много веков подряд распространяется, подобно заразе, заставляя людей совершать страшные преступления. Многие люди ненавидели Каина, не замечая того, как сами нередко превращаются в убийц, уничтожая все самые светлые и радостные чувства не только в своих сердцах, но и в сердцах своих друзей, родственников и даже собственных детей.

...Ева смотрит в окно. Снова наедине сама с собой, наедине со своими мыслями. Который год она пытается ухватить кусочек неземной истины, но ее разум по-прежнему рисует мир, состоящий из ассоциаций и образов миллионов людей. Ассоциации рождают страхи, а образы пугают своей откровенностью. Ева видит человеческие жизни, сотканые из взлетов и падений, света и тьмы, радости и боли. Боли больше, и она разрастается, охватывая все ее существо, такое детское в своем желании помочь всему человечеству и беспомощное от осознания невозможности этого.

Сомнения... Их у Евы с каждым прожитым на Земле днем становится больше. Как изменить мир, в котором нет стержня, даже при наличии огромной армии людей, именующих себя верующими? Чего они ждут? Конца света? О чем мечтают? О будущей жизни на небесах? А о настоящей здесь, на Земле? Смириться. Вот их основной постулат. Войны, уносящие сотни тысяч людских жизней в обмен на миллиардные прибыли; терроризм, ставший "нормой" современного общества; детская смертность, перечеркивающая будущее не одной семьи; биологические эксперименты по внедрению особо опасных вирусов в странах "третьего мира"; подчинение слабых государств сильным; планетарное завуалированное "стирание" инакомыслия с целью "усреднить" человечество; искоренение маргиналов; распространение наркотиков и псевдотеорий изменения сознания; намеренное искажение идеи человеческого братства и единства... Смириться с ЭТИМ? Ей становится больно. Из глубины ее уже получеловеческого разума вырываются строки:

В небе — белые облака,
На Земле — летят века,
страхами объятые.
Оперенье мятое
У вернувшихся с небес.
Словно черноглазый бес
Держит на цепи давно.
Люди спят. Им — все равно.
Безразлично, апатично
и привычно
— Все равно.
Не особенный размах
крыльев белых, обгорелых,

Кровью, войнами пропах
Дом-Земля, удел незрелых.
Бессознательный экстаз,
Жизнь во сне —

не в первый раз...
Гармонично, не "обычно",
не цинично

— Не для нас...
...Она повторяет эти слова снова и снова, сначала шепотом, потом громче, не в силах остановиться. Слезы текут по ее лицу, но она не замечает их. "Я хочу все изменить! Начать сначала!" — кричит она и замирает, глядя на небо в ожидании...

...ОНИ услышали Еву. Ее зов был подобен взрыву, сметающему все на своем пути. Он длился несколько секунд по ИХ времени, но успел затронуть самые отдаленные уголки разных миров. Разум миллиардов разумных существ активизировался, запульсировал и вошел в резонанс. Несколько минут вселенского переворота, и зазвучала мелодия Большого взрыва. Сотни миллиардов святыхся мотыльков разлетелись в разные стороны единого пространства, заполняя собой все существующие пустоты и стремясь поскорее добраться до Земли...

...Она смотрела в небо, а миллионы светлячков, похожих на микроскопические снежинки, кружили в медленном танце, призывая ее следовать за ними. Ева понимала, что находится на краю огромной бездны, которую предстоит преодолеть. Несколько секунд она медлила, а затем решительно шагнула. В ту же секунду время остановилось. Прошлое, настоящее, будущее стало осознанной реальностью, превратившись в единое целое. Ева парила в слабо освещенном пространстве, и в ее душе не было страха. Внезапно яркий луч света разорвал темное пространство бездны, освещая ее до самого дна. Он проник в душу Евы, заполняя ее сиянием жизни миллионов людей, живших на Земле во все времена. Она прошла через их жизни, страдания, смерть и стала вместилищем всех земных душ. Луч света вспенил море, и оно расступилось, открывая проход на другой берег. В мир, где ее давно ожидал Единственный, имя которому — Адам.

...Абрикосовое небо, бледно-розовые закаты и рассветы, освещающие фиолетовое тело новой планеты. Необычно яркое и теплое солнце. Адам и Ева стоят на берегу океана, рассматривая свой будущий мир. Они понимают — только от них зависит, каким он будет. Адам теперь знает, как оживить планету, не породив на ней агрессии и злобы. Он делится с Евой планами на будущее, а она думает об одном: как назвать первенца, которого уже носит во чреве. Ей хочется дать ему имя — Каин, но человеческая память протестует сотнями людских голосов, которые вопят, что за ним стоит убийство, изменившее раз и навсегда историю человечества. Ева стоит в задумчивости, прислушиваясь к самой себе, и вдруг среди всех этих криков слышит какие-то слова. Из глубины души рвется голос — ее голос, который шепчет: "Я и Адам в ответе за то, что Каин стал убийцей. Мы были не готовы к тяжелой жизни на Земле, а мстили за потерянны рай сыну. Мстили своей любовью". Ее душу пронзает боль. Чувство вины разрывает ее разум, и она, протягивая руки к небу, в отчаянии шепчет: "Прости меня, Каин!" Через несколько секунд откуда-то издали слышится тихий, почти беззвучный голос: "Я люблю тебя, мама, и... прощаю!" Эти слова разрывают небо абрикосовой планеты и летят во Вселенную, затрагивая ее своей сутью. Они проникают в самые далекие миры и несутся к Земле, чтобы подарить ей любовь и освобождение...

Татьяна ОРБАТОВА.